

DOI: 10.22455/2500-4247-2016-1-3-4-340-356

УДК 82.091+821.113

ББК 83.3(7)

ИЗ СКАЛЬДИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

© 2016 г. Е. А. Гуревич

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия

Дата поступления статьи: 11 октября 2016 г.

Аннотация: Перевод поэзии скальдов на другой язык — это всегда вызов для переводчиков. Главная ее черта — крайне изощренная и доминирующая форма, создание которой регламентировалось жесткими правилами. Поэзия скальдов возникла в Норвегии в дописьменную эпоху и просуществовала более пяти веков, с середины IX до конца XIV столетия, причем с X в. она сочинялась почти исключительно исландцами. Скальдическое искусство высоко ценилось при дворах скандинавских правителей, поскольку, прославляя подвиги конунгов в хвалебных песнях, скальды увековечивали их деяния в людской памяти. В конечном счете ведя свое происхождение от древнескандинавского эпического (эддического) стиха, поэзия скальдов явилась его противоположностью как в отношении своего предмета (современные и нередко сиюминутные события vs. мифологическое и героическое прошлое), формальных свойств (чрезмерно усложненная форма vs. форма, прозрачная для восприятия), так и в ее отношении к авторству: тогда как эпические песни создавались и передавались безымянными певцами, стихи скальдов — плоды осознанного авторства поэтов, охотно заявлявших о собственном мастерстве. В предисловии к настоящей подборке переводов скальдических стихов на русский язык описывается метрическое и синтаксическое устройство основной поэтической единицы — строфы (висы), сложенной в главном скальдическом размере дротткветт («дружинный размер»), а также объясняется характер и строение главного элемента скальдического языка — простого и многочленного кеннинга, служащего перифрастическим заменителем существительного обычной речи. В подборку вошли как образцы панегирических стихов, так и висы на случай, сочиненные исландскими скальдами XI–XII вв. и сохранившиеся в составе прядей — коротких рассказов об исландцах, вставлявшихся в саги о норвежских конунгах.

Ключевые слова: древнескандинавская литература, поэзия скальдов, хвалебные песни, висы на случай, дротткветт, кеннинг, пряди, поэтический перевод.

Информация об авторе: Елена Ароновна Гуревич — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 Москва, Россия. E-mail: alpgurev@gmail.com

A SELECTION OF SKALDIC POEMS

Elena A. Gurevich

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Received: October 11, 2016

Abstract: Rendering skaldic poetry into another language is a challenge for translators. The main feature of this poetic system is its highly intricate form governed by rigid rules. Skaldic poetry emerged in Norway in the pre-written period and existed for more than half a millennium, from the middle of the 9th Century to the end of the 14th; from the 10th Century onwards it was composed almost exclusively by the Icelanders. Skaldic art was highly valued at the Scandinavian court: by glorifying the exploits of the kings in praise-poems, skalds immortalized their deeds in human memory. Taking its origin from the Old Norse epic verse, skaldic poetry differs from the former in terms of subject matter (contemporary and often momentary events as opposed to mythological and heroic past), formal properties (a highly complex poetic technique as opposed to an unsophisticated form), and attitude to authorship. Whereas epic poems were created and transmitted by anonymous singers, skaldic verses were produced by authors who often made their personal skills a poetic theme. The introduction to the current selection of Russian translations of skaldic poems contains a description of metrical and syntactical structure of the basic poetic unit, *vísa* (stanza), composed in the main skaldic metre, *dróttkvætt* ('court meter'). It also discusses the most important element of skaldic language, i.e. simple and multi-member *kenning* (periphrasis substituted for the nouns of common speech). The selection includes examples of praise poems and of *lausavísur* ('loose stanzas') composed by Icelandic skalds of the 11th and 12th Centuries which have been preserved in the *þættir*, short stories incorporated into the sagas of Norwegian kings.

Keywords: Old Norse literature, skaldic poetry, praise poems, *lausavísur*, *dróttkvætt*, *kenning*, *þættir*, poetic translation.

Information about the author: Elena A. Gurevich, DSc in Philology, Leading Researcher Fellow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. E-mail: alpgurev@gmail.com

Не будет натяжкой сказать, что в европейской литературе едва ли найдутся тексты, более непривычные нашему слуху и глазу и менее поддающиеся адекватной передаче на чужом языке, чем стихи древнескандинавских скальдов. Главная их черта — крайне изощренная, чрезмерно разросшаяся форма, создание которой регламентировалось жесткими и столетиями не менявшимися правилами. Поэзия скальдов возникла в Норвегии в дописьменную эпоху и просуществовала более пяти веков, с середины IX до конца XIV столетия, причем с X в. она сочинялась почти исключительно исландцами. Многие из исландских поэтов посещали норвежских правителей, становились их приближенными и складывали хвалебные песни в их честь, за

что неизменно вознаграждались щедрыми дарами. Скальдическое мастерство высоко ценилось, ведь прославляя подвиги конунгов, скальды увековечивали их деяния в людской памяти. Одной из несомненных целей поэзии скальдов, достигавшейся в процессе искусного формотворчества, и было придание прочности настоящему. Будучи изводом древнескандинавского эпического (эддического) стиха, скальдическая поэзия во всех отношениях стала его противоположностью: в то время как предмет эпоса — мифологическое и героическое прошлое, скальды в своих стихах говорили о современных им событиях и зачастую о самом сиюминутном; если эпическая форма прозрачна для восприятия, скальдическая, как уже было сказано, вычурна и гипертрофирована по сравнению с облеченным в нее весьма бедным содержанием; и, наконец, тогда как эпические песни — это предания, которые создавались и передавались безымянными певцами, то стихи скальдов — плоды осознанного авторства, причем произведения поэтов, при каждой возможности готовых заявить о себе и своем поэтическом мастерстве.

Здесь не место подробно описывать каноны скальдического стихосложения — заинтересованный читатель может обратиться за этим к специальной литературе [1] — однако о самых общих принципах устройства его основной структурной единицы — строфы (висы) все же сказать придется, поскольку даже в неизбежно облегченном переводе восприятие поэзии скальдов требует определенной подготовки.

Итак, восьмистрочная строфа, сложенная в главном скальдическом размере дротткветт («дружинный размер») состоит из двух полустроф-хельмингов, каждая из которых представляет собой законченное поэтическое высказывание: именно пространством полустрофы ограничено развертывание синтаксического и словесного орнамента, делающего поэзию скальдов столь загадочной и непривычной для современной аудитории. При том, что содержание скальдических стихов обычно сводится к лаконичным сообщениям неких фактов и само по себе совершенно прозаично, поэт непременно облачает его в причудливую и нуждающуюся в распутывании форму. Начать с того, что скальдический синтаксис нелинеен: скальды не только нарушают естественный порядок слов, игнорируя семантические связи и далеко разнося обычно стоящие рядом члены предложения, но и переплетают два предложения или вставляют одно из них внутрь другого. Точно так же они поступают и с частями так называемых кеннингов — сложных перифрастических наименований, используемых вместо существительных обычной речи, главной особенностью их поэтического языка.

С помощью кеннингов скальды описывают множество предметов окружающего мира, но в первую очередь традиционный круг

героических понятий, таких как «муж», «жена», «битва», «оружие», «корабль», «золото» и т. п. К примеру, скальд называет женщину «липой ожерелий», мужа — «тополем сечи», битву — «звоном щитов», меч — «огнем битвы», корабль — «оленом волн», золото — «блеском руки» или употребляет сходные наименования из имеющегося в его распоряжении поэтического словаря. При этом второй компонент простых (двучленных) кеннингов — существительное в родительном падеже (так называемое определение), обозначающее некую реальную черту или свойство описываемого объекта, чье наименование в кеннинге обычно зашифровывается метафорой (так называемая основа), — может в свою очередь замещаться кеннингом. Если воспользоваться уже приведенными примерами и «протянуть» некоторые из перечисленных двучленных кеннингов (в скальдической поэтике многочленный кеннинг именуется «протяженным»), то мы получим трехчленный кеннинг меча («огонь звона щитов») и четырехчленный кеннинг мужа («тополь огня звона щитов»). Подобные трех- и четырехчленные кеннинги используются в поэзии скальдов едва ли не чаще, чем простые, самый же длинный из известных «протяженных» кеннингов насчитывает семь членов. Теоретически кеннинги можно было бы протягивать до тех пор, пока это позволяет делать определение каждого очередного кеннинга в цепочке, однако на деле предел развертывания кеннинга устанавливается протяженностью того стихового пространства, рамками которого ограничено любое поэтическое высказывание, — т. е., как уже было сказано, полустрофой.

Еще одна особенность скальдических кеннингов — это постоянное варьирование их компонентов: кеннинги не клише и они не воспроизводятся в неизменном виде. На первый взгляд вообще может показаться, что скальды создают двучленные кеннинги по определенному структурному правилу, на деле же такое происходит крайне редко (см. две висы Тьодольва сына Арнора), и скальды лишь непрерывно варьируют уже существующие традиционные «образцовые» модели кеннингов, всякий раз наполняя их новым словесным содержанием. Тем самым они далеко раздвигают границы синонимии, вводя в состав кеннинга все новые и новые слова, способные обслуживать процесс нескончаемого обновления инвариантных моделей, — такие сменные элементы кеннингов получили специальное название хейти («имя»). Если прибегнуть вновь к уже приведенному примеру кеннинга меча «огонь битвы», то окажется, что в ходе его варьирования скальды используют наименования всего, что излучает свет: солнца, месяца, дня и даже радуги. Практикуемое скальдами столь широкое варьирование словесного наполнения кеннингов не в последнюю очередь было продиктовано необходимостью следовать весьма жестким метрическим правилам построения структурных единиц, которые

выделяются в составе полустрофы — двустишия, или так называемого фьордунга («четверти» висы), а также образующих его минимальных метрических единиц — четных и нечетных строк.

И на том, и на другом уровне стих скрепляют канонические звуковые повторы. В двустишии это обязательная для всего древнегерманского стихосложения аллитерация: первые два аллитерирующих слога расположены в нечетной строке, третий («главный звук») — в четной строке. В аллитерационный повтор включаются только одинаковые согласные, при аллитерации же на гласные звуки последние напротив, как правило, разнородны по своему качеству. Тогда как двустишие соединено воедино аллитерацией, строка дротткветта, шестисложного размера с тремя ударениями и обязательным хореическим окончанием ($_ / X$), скреплена внутренней корневой рифмой, именуемой хендингом («подхват»). Именно хендингу принадлежит ведущая роль во всех скальдических размерах. При этом схема рифмовки в нечетных и четных стихах висы различна: в нечетных строках употребляется консонанс, а в четных используется полная (адальхендинг — «благородная») рифма, т. е. точное совпадение всех звуков ударного слога, охватывающее как согласный, так и предшествующий ему гласный звуки. Таким образом, из трех ударных слогов каждой стихотворной строки самого распространенного скальдического размера как минимум два слога участвуют в обязательных звуковых повторах — аллитерации и/или рифме. Для наглядности приведем в оригинале одну из публикуемых здесь строф — вису Тьодольва сына Арнора, в которой фигурируют бог Тор и великан Гейррёд (аллитерация везде выделяется полужирным шрифтом, рифма — курсивом):

Varp ór þrætu þorpi
Þórr smiðbelgja stórra
hvatpeldingum hǫldnum
hafra kjǫts at jǫtni.
Hljóðgreipum tók húða
hrökkviskafls af afli
gláðr við galdra smiðju
Geirtóðr síu þeiri.

Остается лишь гадать, каким образом устроенная по таким правилам поэзия могла сочиняться изустно, запоминаться и веками храниться в людской памяти до ее записи в конце XII–XIII столетия. Очевидно, что и от скальдов, и от их аудитории для этого требовались изрядное умение и подготовка. Можно, однако, не сомневаться в справедливости слов знаменитого исландского историка и поэта Снорри Стурлусона (1178/1179–1241), которыми он закончил про-

лог к «Кругу Земному», собранию саг о правителях Норвегии, где отрывки из поэм скальдов обильно используются в качестве свидетельств очевидцев описываемых событий: «А песни скальдов, как мне кажется, всего меньше искажены, если они правильно сложены и разумно истолкованы» [4, с. 10]. Детально регламентирующие стихосложение жесткие метрические каноны действительно должны были обеспечивать нерушимую сохранность скальдических вис.

После всего сказанного не приходится удивляться, что, спустя шесть веков после того как эта поэтическая традиция угасла, даже исландцам, и ныне без затруднения читающим свои древние саги в оригинале, скальдические строфы представляются требующими разгадывания непонятными ребусами. Поэтому в современных изданиях их всегда снабжают толкованием: прозаической «разверткой», восстанавливающей разорванные синтаксические связи, а также объяснением темных слов — забытых поэтизмов и кеннингов. Нет нужды говорить, что пытаться передать все описанные выше формальные особенности скальдического стиха в переводе — задача совершенно невыполнимая. Позволю себе процитировать О. А. Смирницкую, чьи переводы поэзии скальдов, выполненные для русского издания «Круга Земного», в максимальной степени учитывают принципы скальдической версификации: «...скальдическую форму нельзя имитировать. Язык входит в нее составной частью: она и вырастает из языка, и обыгрывает, и опровергает его законы, доводя до предела владение звуком и словом... Никакой другой язык, кроме древнескандинавского, непригоден для воссоздания скальдической формы во всей детализованности и строгости ее конструкций» [4, с. 599].

Публикуемые здесь в переводе стихи нескольких исландских поэтов XI–XII вв., а именно отрывок из хвалебной песни (правда, сложенной не в дротткветте, а в производном от него размере хрюнхент), а также сочиненные на случай «отдельные висы», в основном демонстрирующие поэтическое мастерство, которое скальды проявляли в условиях мгновенной импровизации, цитируются в так называемых прядях — коротких рассказах об исландцах, по традиции включавшихся в саги о конунгах (королях) Норвегии. Перевод полного собрания этих рассказов, а равно и содержащихся в них поэтических вставок только что увидел свет в серии «Литературные памятники» [2].

Тормод Скальд Чернобровой (ум. 1030)

Исландский скальд, служивший правителям Дании и Норвегии — Кнуту Могучему (ок. 960–1035) и Олаву Святому (1015–1028, ум. 1030). Сохранилось сорок сложенных им строф, среди которых как висы на случай, так и отрывок из поминальной песни о его побратиме Торгейре сыне Хавара. Тормод получил свое прозвище из-за

того, что сложил любовные стихи (так называемый мансёнг) девушке по имени Торбьёрг Черная Бровь.

1

Славослова¹ тешил
славный — *нам сулил лишь*
*леща леса ложе*² —
Фафнира подстилкой³.
Нешто недостоин
мзды и я, — *Иначе* —
зачинатель сечи⁴?
— *гость печастый буду*.

В этих стихах Тормод обращается к своему патрону, Кнуту Могучему, напоминая конунгу, что тот не пожаловал ему обещанных даров.

¹ *Славослова* — речь идет о Торарине Славослове, исландском скальде, который ранее находился на службе у Кнута Могучего.

² *леща леса ложе* — золото (где «лещ леса» — змея, ее «ложе» — золото).

³ *Фафнира подстилкой* — золотом. Этот и предыдущий кеннинги восходят к сказанию о кладе Нифлунгов-Нибелунгов: золото называют «ложем змеи» или «подстилкой змеи» поскольку дракон Фафнир сторожил богатство, лежа на нем.

⁴ *зачинатель сечи* — муж, здесь — конунг Кнут.

2

Обе длани скальду
— *люд* глядит — украсил
князь хоромов хмурых
штевня ясным блеском¹.
Юным оплатил я
пламень волн² владыке,
глада утолитель
врана³ дал нам злата.

Эту вису Тормод сложил вслед за первой и после того, как Кнут пожаловал ему два золотых обручья.

¹ *хоромов хмурых штевня ясным блеском* — золотом (где «хмурые хоромы штевня» — море, его «ясный блеск» — золото).

² *пламень волн* — золото.

³ *гада утолитель врана* — т. е. утолитель голода ворона — муж (здесь — конунг Кнут).

Тьодольв сын Арнора (XI в.)

Исландский скальд, главный придворный поэт норвежского конунга Харальда Сурового (1046–1066), большого ценителя поэзии. Сохранилось более девяноста сложенных им строф, в том числе большие фрагменты хвалебных песней в честь этого правителя, а также его племянника, конунга Магнуса Доброго (1035–1047).

1

Кузни князь¹ ввязаться
в драку рад с драконом
кож², — *но что ж ничтожный*
с луга ног³ дал дёру?
Грозил змей гашпиля⁴,
плащ подошв⁵ напялив,
но вон Сигурд горна⁶
вышиб дух из гада.

Приведенные «висы на случай» (№ 1, 2) были сочинены Тьодольвом по приказу конунга Харальда. Согласно одному рассказу, конунг и его свита оказались случайными свидетелями ссоры кузнеца и дубильщика, после чего Харальд пожелал, чтобы Тьодольв сложил об этом столкновении вису, представив двух ремесленников «совсем другими людьми» [2, с. 387], а именно, героями древнегерманского сказания о Нифлунгах — Сигурдом Убийцей Фафнира и обернувшимся драконом великаном Фафниром, причем скальд должен был придать каждому из них приметы его ремесла. Как гласит легенда, Сигурд убил Фафнира и завладел его сокровищем, когда тот лежал на поле Гнитахейд и стерег свое золото (ср. упоминание луга в стихах Тьодольва).

¹ *Кузни князь* — кузнец.

² *с драконом кож* — с дубильщиком.

³ *с луга ног* — «луг ног» — пол.

⁴ *змей гашпиля* — дубильщик (гашпиль — бак для промывки и дубления кожи).

⁵ *плащ подошв* — башмаки.

⁶ *Сигурд горна* — кузнец.

Сени слов¹ отверзнув,
Тор зубила² злобно
метал громаы глотки³
в лоб дубила троллю⁴.
Гейррёд шкур козлиных⁵
ловил металл с лету
хваткой лапой слуха⁶
из клетки заклятий⁷.

Во второй висте Тьодольв вновь выполняет задание конунга, на этот раз представляя тех же ремесленников героями мифологического сказания о столкновении Тора с великаном Гейррёдом. Как сообщается в «Младшей Эдде», явившись к Гейррёду, Тор был приглашен к нему в палату «позабавиться играми». Вдоль всей палаты были разведены костры, а когда Тор вошел и встал напротив Гейррёда, великан ухватил щипцами раскаленный брусок железа и швырнул его в Тора. Тот поймал брусок железными рукавицами, высоко поднял его и бросил в Гейррёда, попытавшегося было защититься, отскочив за железный столб, но раскаленное железо пробило и столб, и Гейррёда, и стену, «и ушло в землю» [3, с. 120].

¹ сени слов — рот.

² Тор зубила — кузнец.

³ громаы глотки — брань, проклятья.

⁴ дубила троллю — «троль дубила» — дубильщик.

⁵ Гейррёд шкур козлиных — дубильщик.

⁶ лапой слуха — ухом.

⁷ металл... из клетки заклятий — брань («клеть заклятий» — рот). Называя брань «металлом», скальд намекает на раскаленный брусок железа, который Тор швырнул в Гейррёда.

Тяжела расплата,
воинов обманом
завлекли, на запад
зря привел нас Харальд.
Славный пал — не сладко
нам пришлось тут — конунг;
князь погиб, и войску
горше нет утраты.

Эта виса Тьодольва была сочинена во время неудачного похода Харальда Сурового в Англию. Он произнес ее перед своей гибелью в битве при Стэмфорд Бридж 25 сентября 1066 г.

Халли Челнок (XI в.)

Один из исландских скальдов, находившихся при дворе Харальда Сурового.

1

Зрим, как фриз, обряжен,
пред дружиной княжьей,
малец, колец цепи¹
и шелом нам кажет.
Поутру тут Тута,
меч стучит в кольчугу —
от печи добытчик
печива² ни шагу.

Стихи Халли цитируются в посвященной ему пряди — собрании забавных анекдотов об этом дерзком и изобретательном исландце. В одном из них рассказывается, как конунг приказал одеть карлика по имени Тута в свою кольчугу, нахлобучить ему на голову шлем и опоясать его мечом, после чего объявил, что тот, кто сочинит о карлике вису, да притом так, что он сочтет, что она хорошо сложена, получит от него награду — драгоценные нож и ремень. Не успел конунг сказать это, как Халли произнес приведенную здесь строфу [2, с. 388].

¹ *колец цепи* — т. е. кольчугу.

² *добытчик печива* — муж (т. е. карлик Тута).

2

Меч сменять на мясо,
красный, на краюху
хлеба щит потребно
нам, кормилец врана¹.
Княжий люд тут ходит
худ, и туго — *Харальд*
гладом морит скальда —
брюхо подпоясав.

Харальд Суровый отличался скупостью, и его люди не ели досыта. Как-то раз, когда конунг и дружинники расселись по своим местам, в

пиршественную палату вошел Халли, на спине он нес щит и меч. Он направился напрямик к конунгу и произнес эту вису. Харальд сделал вид, что ничего не слышал, однако было заметно, что он рассержен.

¹ *кормилец врана* — муж (здесь — конунг Харальд).

3

Порося без спросу
князь прислал с посылным
Ньёрду при¹ — *прет вепря*
с вертела на блюде.
Славься витязь! Вижу
бок румян да рыло
борова. Как скоро
стих наш ладный сложен.

Однажды вскоре после происшествия, описанного в предыдущей строфе, конунг взял со своего стола блюдо с жареным поросенком и велел карлику Туте отнести его Халли. При этом ему было наказано передать Халли, что, если тот хочет сохранить себе жизнь, он должен сложить вису и закончить ее прежде, чем Тута подойдет к нему, однако объявить об этом карлик должен был не раньше, чем дойдет до середины палаты. Выслушав его, Халли встал, протянул руку за блюдом и произнес эту строфу.

¹ *Ньёрду при* — мужу (здесь — «мне»; Ньёрд — один из древнескандинавских богов из рода ванов).

4

Донный дланью навей
схвачен хвоц¹ в хоробах
Ран² — *попал не рано ль*
скальд в приют омаров³?
У трески гостим мы
в море, брег не мреет,
водоросль мне цепко
выю обвивает,
выю обвивает⁴.

Эту строфу Халли сложил, когда ему понадобилось срочно покинуть Англию, но ни на одном корабле для него не нашлось свобод-

ного места. Тогда он рассказал снаряжавшимся в плавание купцам, что услышал эту вису во сне от некого «ужасного с виду» человека. Поскольку сон предсказывал грядущее кораблекрушение и гибель в морской пучине, купцы в страхе отказались от поездки, и Халли занял их место, признавшись владельцу корабля в обмане.

¹ *донный дланью навей схвачен хвоц* — «донный хвоц» — водоросль; навь — мертвец, вставший из могилы.

² *в хоромах Ран* — «хоромы Ран» — море (Ран — богиня моря, жена морского великана Эгира). Согласно скандинавской мифологии, Ран владеет сетью, которой она ловит всех людей, утонувших в море.

³ *в приют омаров* — в морскую пучину.

⁴ Удвоение конечного стиха для придания вису большей силы и вескости обычно в строфах, приписываемых сверхъестественным существам; чаще всего оно встречается в стихах, якобы услышанных во сне.

5

Худо хвалу
сложил я ярлу¹,
драпу дрянней
дали ль данам²?
Четырнадцать раз
в ней метр хромает,
да рифм с десятков;
пятится задом³.
Так неумеха
свой стих слагает.

Эту вису, сочиненную в незамысловатом эпическом размере, Халли произнес в ответ на ревнивый вопрос Харальда Сурового, не случалось ли ему во время поездки за море складывать стихи в честь других правителей. Скальд говорит в ней об одной из своих проделок — околесице, выданной им за хвалебную песнь, которую он, будучи в Англии, сочинил о Харольде сыне Годвина (род. ок. 1022 г., погиб в битве при Гастингсе 14 октября 1066 г.).

¹ *ярлу* — имеется в виду Харольд сын эрла (ярла) Годвина, который в то время еще не был королем Англии, а правил в Уэссексе. Харольд был возведен на английский престол в январе 1066 г.

² *драпу дрянней дали ль данам* — Эти стихи могут быть поняты и как указание на скандинавское происхождение ярла Харольда, и как намек на поэтическую несостоятельность и невежество датских скальдов: в «Пряди о Халли Челноке» рассказывается,

что находившийся при Харольде скальд заверил своего патрона, что хвалебная песнь (драпа), которую Халли сочинил в его честь и позднее сам назвал «околесицей», была хорошо сложена.

³ *пята́тся задом* — По-видимому, имеются в виду синтаксические или композиционные недостатки панегирика в честь английского правителя. Перечисляя «технические» огрехи своей песни, что само по себе беспрецедентно для скальда, Халли прибегает в этой висе к терминам, не встречающимся ни в поэзии, ни в средневековых исландских поэтиках.

Хьёрт сын Олава (XI в.)

Дружинник Харальда Сурового, по происхождению исландец.

1

Глянь-ка на двор:
белый козел,
вишь, темноглаз,
да бородат,
копытом бьет,
детей берет,
он — козий сын
браниться рад.

Эту строфу — она сложена в эпическом размере — относят к «детским стихам», однако обстоятельства ее сочинения, изложенные в «Пряди о Хеминге сыне Аслака», скорее указывают на шуточный характер висы. Незадолго до похода в Англию Харальд Суровый отправляет гонцов к своей жене Эллисив (Елизавете), дочери Ярослава Мудрого, в Новгород за хранившейся у нее козлиной шкурой, наполненной серебром. Харальд вступил в брак с Эллисив зимой 1043/44 г., еще до того, как сделался правителем Норвегии. В «Саге о Харальде Суровом» рассказывается, что до своей женитьбы, на пути в Восточную Державу (на Русь) будущий конунг сложил посвященную невесте песнь в шестнадцать вис «с одинаковым припевом в каждой», названную «Висы Радости» [4, с. 410]. Из этой поэмы сохранилось шесть строф, с конца XVIII в. неоднократно переведившихся на русский язык (в том числе К. Н. Батюшковым и Н. М. Карамзиным; наибольшую известность получила баллада А. К. Толстого «Песня о Гаральде и Ярославне» (1869), отчасти представляющая собой вольное переложение стихов Харальда). При расставании с Эллисив Харальд пообещал, что приедет за женой, и оставил ей в залог большое богатство, сказав, что она сможет распоряжаться им как своей собственностью, если он не объявится по прошествии пятнадцати зим. Теперь же Харальд наказал своим посланцам, одним из которых

был Хьёрт, не возвращаться назад без козлиной шкуры и лежавших в ней богатств. В ответ на вопрос конунга, как было выполнено его поручение, Хьёрт и произнес эту вису.

Арнор Скальд Ярлов (ок. 1011 г. — после 1073 г.)

Один из виднейших исландских поэтов XI в. получил свое прозвище за службу оркнейским ярлам. Прославился в первую очередь хвалебной песней в честь норвежского конунга Магнуса Доброго, сложенной в новом восьмисложном четырехударном размере хрюнхент (букв. «люющийся размер» — ритмически он приближается к четырехстопному хорюю), которая получила название «Хрюнхенда». Предполагают, что этот размер был введен в скальдический обиход Арнором.

Из «Хрюнхенды»

1

Магнус, слушай стих могучий,
лучше вас не знаю князя,
ютов конунг¹, доблесть вашу
я восславлю в песни плавной.
Ты, друг хёрдов², точно сокол,
ровни нет тебе среди равных,
быть твоей удаче выше
всех, пока не треснет небо.

¹ *ютов конунг* — т. е. конунг датчан. С 1042 г. Магнус Добрый был также правителем Дании.

² *друг хёрдов* — норвежский конунг (здесь — Магнус); хёрды — жители Хёрдаланда (совр. Хордаланн), области на западе Норвегии.

2

Гнать горазд, гроза обручий¹,
в бурны дали влаги вепря²,
на корме, замаран морем,
коротаешь жизнь, о княже.
Зубр³ взрезает зыбь проворно,
словно сокол, друг мой славный,
витязя не влек вовеки
краше быстрый струг по волнам.

¹ *гроза обручий* — муж (здесь: щедрый правитель).

² *влаги вепря* — «вепрь влаги» — корабль.

³ *Зубр* — корабль Магнуса Доброго.

3

Позабьть тебя не сможет
род людской, гонитель татей¹,
не страшит в буране дровов²
ни клинок, ни пламя князя.
Что светило в ясном небе,
дивен твой скакун буруна³,
славлю, ворог вора⁴, ладной
я лады твоей величье.

¹ *гонитель татей* — конунг.

² *в буране дровов* — в битве.

³ *скакун буруна* — корабль.

⁴ *ворог вора* — муж.

4

Любо зреть, как лыжи хляби¹
конунг мчит по склонам Мейти²,
словно сонмы ратей тверди
князя³ по волнам летели.
На земле, что Бог на небе,
чтим погонщик — *помнить будут*
воинство твое вовеки —
табуна межи моржовой⁴.

¹ *лыжи хляби* — корабль.

² *по склонам Мейти* — по морю (Мейти — морской конунг, т. е. предводитель викингов).

³ *тверди князя* — «князь тверди» — Бог.

⁴ *погонщик... табуна межи моржовой* — четырехчленный кеннинг: «моржовая межа» — море, его «табун» — флотилия кораблей, ее «погонщик» — муж, конунг.

Эйнар сын Скули (XII в.)

Крупнейший исландский скальд XII столетия. До нас дошли почти полторы сотни сочиненных им строф (или фрагментов строф), в том числе хвалебная песнь и отрывки из примерно десятка других поэм.

1

Ярлманн, нечестивец,
днесь у бонда сбондил
— *ох, охоч же нехристь*
до харча — козленка.
Крут, — *корабль оглобли* —
поет кнут паяцу
заутреню — *в путах*
*треплет прут с бесстыжим*¹.

Обстоятельства сочинения этой строфы таковы. Скоморох по имени Ярлманн стащил козленка и съел его в пятницу, за что норвежский конунг Сигурд Крестоносец (1103–1130) велел задать ему порку. Эйнар заступился за беднягу. В ответ конунг сказал, что в его силах помочь Ярлманну: «Сложи-ка вису, а пока ты ее не закончишь, его будут пороть». К тому времени, как виса была готова, Ярлманну успели отвесить пять ударов.

¹ *корабль <...> с бесстыжим* — т. е. «прут треплет корабль оглобли (= повозку) с бесстыжим в путах» (с лежащим на повозке связанным Ярлманном).

2

Вдрыг взрывает волны
штвенем у Утстейна¹
— *ветр* — жена, отважна, —
парус рвет на рее.
Лучше ношу нес ли
где скакун отменный
влаги²? Влек сквозь брызги
бриз межой прибрежной³.

Эпизод, связанный с сочинением этой строфы, показывает, что запоминание с лету стихов скальдов представляло нелегкую задачу. Как-то раз конунг наблюдал отбытие из Бергена (города на западе Норвегии) великолепного корабля, принадлежащего одной знатной женщине, и пожелал, чтобы Эйнар сложил об этом вису, причем закончил ее прежде, чем корабль выйдет из залива. Скальд согласился выполнить распоряжение конунга, однако выдвинул встречное условие: конунг и семеро его дружинников должны запомнить по одному стиху из вिसы, а если не сумеют, выставят ему столько кувшинов меда, сколько не запомнили стихов. В итоге конунг смог повторить

лишь первый и последний стихи, тогда как дружинники не запомнили ничего.

¹ у *Утстейна* — остров Утстейн у западного побережья Норвегии, южнее Бергена.

² *скакун... влаги* — корабль.

³ *межой прибрежной* — по морю.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Гуревич Е. А., Матюшина И. Г. Поэзия скальдов. М.: Изд-во РГГУ, 2000. 752 с.

2 Исландские пряди / подг. Е. А. Гуревич. М.: Наука, 2016. 1006 с.

3 Младшая Эдда. М.: Ладомир, 1994. 256 с.

4 *Снорри Стурлусон. Круг Земной*. М.: Наука, 1980. 688 с.

REFERENCES

1 Gurevich E. A., Matiushina I. G. *Poeziia skal'dov* [Skaldic poetry]. Moscow, RSUH Publ., 2000. 752 p. (In Russ.)

2 *Islandskie priadi* [Icelandic þættir]. Ed. by E. A. Gurevich. Moscow, Nauka Publ., 2016. 1006 p. (In Russ.)

3 *Mladshaia Edda* [The Younger Edda]. Moscow, Ladomir Publ., 1994. 256 p. (In Russ.)

4 Snorri Sturluson. *Krug Zemnoi* [Heimskringla]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 688 p. (In Russ.)